

Глава 4. Последняя остановка поезда в 5 утра

Мой первый в жизни экзаменационный семестр в старшей школе приближался.

— Давайте учиться вместе.

Это было предложение Нацуки, на которое немедленно согласился Сю.

Мы учились в публичной библиотеке близ моей школы. Это было большое здание в парке, рядом с музеем, которое носило то же имя.

Каждый день во время приостановки клубной деятельности (где даже элитные спортивные команды могли отдохнуть), рассчитав проходившее школьное время поминутно, трое из нас бросились в библиотеку и получили ключ от одной из аудиторий для самостоятельного изучения. Существовало ограниченное количество частных аудиторий, и они были на первом месте в порядке выдачи, поэтому имеющийся ключ был под ответственностью тех, кто состоит в спортивных клубах, а именно Нацуки и Сю.

И вот таким вот образом мы закончили тем, что приобрели отдельную комнату с столом из четырёх человек. Встав у дверного проёма, вы увидите меня и Сю справа, а Нацуки слева. Мы просто естественным образом обосновались в этой договоренности.

Что касается самого изучения, то, по-моему, всё шло достаточно хорошо. Теперь, когда я думаю об этом, по предложению Нацуки, мы вместе учились на вступительные экзамены в старшие классы, поэтому было совершенно естественно предположить, что мы продолжим учиться вместе в старшей школе.

Приостановка клубной деятельности продолжалась неделю, и в течение этой недели мы учились в библиотеке каждый день, за исключением того дня, когда Нацуки ушла раньше. Похоже, ехать в больницу или что-то ещё.

— Прямо гром среди ясного неба. Всё-таки, ты же в отличной форме.

— Знаете, у девушек есть определённые трудности.

— Ты беременна или что?

— Юто, ты говоришь, что что-то сделал?

— Конечно, нет! Я говорю о Сю.

— Он никогда так не поступит!

— Да знаю я. Ну, что, если какой-то другой парень...

Я сразу же закрыл рот. Это не было невозможно. Это была школа совместного обучения; было много парней, кроме Сю и меня. Увидев, что есть волейбольная команда девушек, обязательно должна быть волейбольная команда мальчиков, и у неё, вероятно, были какие-то связи со старшеклассниками. Вы знаете, что они говорят — сердце женщины непостоянно.

Сю, должно быть, подумал то же самое, мы трое молчали.

— ... Я бы разозлился.

— Да уж.

Я вздохнул с молчанием, и Сю пробормотал своё согласие.

Если честно, если бы Нацуки была на свидании с кем-то другим, кроме меня или Сю, мы чувствовали бы себя преданными. Я знал, что это было эгоистично. Это было лишь глупое изречение насмешек.

Мой разум немного блуждал, заставив механический карандаш, который я крутил меж пальцев, упасть на пол. В последнее время я ронял много вещей, и в моих ушах всё ещё был постоянный звон.

В конце концов, я не прикладываю никаких усилий ради учёбы этого дня.

Это было после экзаменационного семестра, и мы дурачились по дороге домой, чего мы не делали в то время.

— Юто, ты свободен сегодня?

— Извини, я думал о том, чтобы позднее поехать в больницу.

— Что случилось, Юто, ты беременный?

— Идиот...

Нацуки не знала ни слова о разговорах Сю, и о чём я говорил в её отсутствие. Сколько ей известно о том, что Сю, и я чувствовали к ней, подумал я.

Двое из нас разошлись по нашим соответствующим дорожкам, и я направился к клинике ENT, со страховым полисом в кармане.

— Когда у вас начался звон в ушах?

— Думаю, с тех пор, как я начал учиться в старшей школе.

— Вы первогодка, верно?

— Да.

— Это происходит примерно с марта. Значит, у вас было это в течение длительного времени. Ваши уши постоянно звенели?

— Да. Иногда я остро осознаю звон, но в то время я чувствовал, что он всегда там был, как-то так.

— Хм...

Доктор ЛОР немного подумал, затем медленно открыл рот, чтобы заговорить.

— Существует много возможных причин вашего звона в ушах. Например, это может быть связано с жёсткими нагрузками или может быть симптомом начала психических заболеваний. Если вы действительно хотите знать, вы должны пройти более углубленное обследование в университетской больнице.

Через неделю я пропустил утренние занятия и пошёл в больницу. Мои родители действительно волновались, узнав, что я делаю сканирование в университетской больнице, но я сказал им: «Я в порядке, так что не волнуйтесь», — и вышел из дома один. Я имею в виду, технически говоря, я был здоров.

Я подошёл к регистратуре и заполнил свои бланки, а затем направился в отделение радиологии.

В комнате для осмотра я лежал на кровати, которая была немного больше, чем лист бумаги, накинутый на металлическую плиту. Туннелеобразный объект спустился ко мне над моей

головой и издал чрезвычайно громкий звук лязгания. Это было устройство, которое они использовали для получения изображения поперечного сечения моего мозга.

Мой брат часто слушал эту музыку. Aphex, если я не ошибаюсь...

— Не двигайтесь.

При звуке голоса, исходящего из громкоговорителя, я поднял взгляд вверх.

Примерно через 20 минут шум прекратился.

После, когда я направился к лестнице, ведущей в исследовательский кабинет, мне показалось, что я увидел кого-то, кого я узнал.

Я видел её только со спины, но... это определённо Нацуки, не так ли? Почему она в университетской больнице?

Было ли это в направлении родильного отделения, ведь Сю и я пошутили? Моё легкомысленное настроение вскоре перешло в подозрение. Я повернулся, чтобы посмотреть на планировку здания на стене. Лечебница, Педиатрия, Акушерство, Гинекология. Лечебное отделение был тем, куда можно было бы пойти по причине простуды или чего-то ещё. Она не пришла бы сюда просто из-за простуды. Стало быть, что ...?

Я слишком много думаю. Нет, но это была Нацуки, о которой мы говорим. Как мне подойти к ней?

Когда я открыл дверь в исследовательский кабинет, мир исчез до монохромного.

Я снова в этом мире.

Внутри сидела женщина-врач в белом халате.

— Эхей, как он выглядит? Он подходит мне? Теперь я доктор Маки-тян, ладненько?

— Не, не, не, это выглядит странно. Это слишком странно для Маки-тян быть врачом.

— Не то, чтобы я носила белый халат для косплея. Я как твой личный доктор, Юто. Я здесь, чтобы помочь тебе.

— И всё же, на кой тебе париться о дресскоде? Нет никакой реальной необходимости носить врачебный халат, и что с этими очками?

Маки-тян с презрением посмотрела на меня, когда она подтолкнула очки к переносице.

— Ты должен вести себя как по книжкам. Мы в исследовательском кабинете, знаешь ли? Хорошо, садись, садись. Сейчас я объясню результаты обследований... — пытаюсь стать ещё более вжившейся в роль, она немного изменила свою манеру разговора.

— Тебе никак не угодишь, вот ведь... — я неохотно сделал, как мне сказали, и сел на маленький круглый стул перед Маки-тян.

Она была за компьютером, подтягивая изображения сканирования мозга. Я мог видеть над ним моё имя, [Хасидатэ Юто]. В первую очередь изображения МРТ всегда были монохромными, поэтому они не выглядели странно в монохромном мире.

— В принципе, человеческий мозг никогда ничего не забывает. Ты можешь подумать, что ты что-то забыл, но это всего лишь тот случай, когда ты не можешь найти существующие воспоминания. Из этого следует, что способность человека формировать воспоминания ограничена. Тем не менее, в течение твоих многочисленных перезагрузок ты прожил намного дольше, чем окружающие, и поэтому собрал ещё больше воспоминаний. В результате этой быстрой перегрузки твоей памяти, даже если ты отфильтровываешь ненужные воспоминания, здесь до сих пор недостаточно места, вот тут...

Маки-тян сделала круговое движение над центром моего мозга, отображаемым на экране. Каким-то образом я почувствовал слабое жужжащее ощущение на затылке, как будто кто-то и вправду ковыряется в моём мозгу.

— Этот участок, твой гиппокамп, начинает атрофироваться.

— Атрофироваться? Ты имеешь в виду, что он отмирает?

— Правильно. Гиппокамп управляет памятью, поэтому его атрофикация является признаком того, что объём твоей памяти также ухудшается. Ты забываешь не только крупицы твоего прошлого, но и крупицы твоих последних перезагрузок. Я права?

— Я чувствую, что я забыл о них, но в то же время, эти воспоминания кажутся почти в пределах досягаемости.

— Понимаю...

Маки-тян подперла подбородок на руку. Похоже, она очень много думала об этом, но я не мог сказать, действительно ли она размышляет или просто играет роль врача.

Доктор Маки-тян наконец заговорила:

— Тогда может быть это не хорошая идея использовать кнопку.

— Ты имеешь в виду, что я больше не могу её использовать?

Это будет проблемой для меня. В конце концов, кнопка была неотъемлемой частью моего плана вести идеальную и аккуратную жизнь.

— Дело не в том, что ты больше не можешь её использовать...

— Это будет проблемой, реальной проблемой! Это ужасно! Если я не могу использовать кнопку...

— Но чем больше ты её используешь, тем больше твой гиппокамп отмирает. Хочешь перезагружать, несмотря на риски? Хочешь, чтобы эта перезагрузка была неудачной?

Если бы я продолжал перезагружать, мой мозг постепенно отмирал.

Что произойдёт после полного разложения?

Вероятно, я умру.

Когда я представил себе последствия, мой разум охватила волна страха.

Постепенное разложение моего мозга и моя последующая смерть были суровым следствием. Однако, возможно, стоит перезагружать. В конце концов, эта кнопка была уже неотъемлемым компонентом моей жизненной стратегии.

Если бы я сказал Маки-тян, что я перестану её использовать, всё, что произошло, было бы напрасно.

Если бы это произошло, меня бы притащили обратно в этот класс, смердящий дерьмом. Я был бы вынужден снова жить своей старой жизнью, навсегда, вне досягаемости совершенства.

Я не мог этого допустить.

— Сильное желание.

Когда я поднял голову и услышал голос Маки-тян, мир снова был залит цветом. Передо мной был мужчина-врач, сидящий за столом.

Он изучал моё лицо и заговорил:

— Взгляните на монитор, и я объясню вам.

— Э? А, хорошо.

На мониторе снова отобразились МРТ-снимки, но они отличались от тех, которые показала мне Маки-тян.

— Это ваш мозг, а это ваш мозжечок. Вот основа мозга, и внутри него есть кое-что, называемое гиппокампом. Предположим, что кровеносный сосуд здесь должен быть разрезан. У вас будет кровоизлияние, и эта часть вот здесь будет тёмной. Но это не то, что мы имеем. Ты очень здоров.

— Хм... так значит мой гиппокамп не разлагается...?

— Ваш гиппокамп? То, о чём вы говорите, это болезнь Паркинсона. Не похоже, что это так, но... вы что-то подозреваете? У вас дрожат руки или что-то на подобие этого?

— Нет, я... эх.

Я вспомнил, как я пытался покрутить своим карандашом, но уронил его. Интересно, было ли это из-за подземных толчков.

— Что такое?

— Нет, ничего.

Я просто предположил, что всё это было моё воображение.

В конце концов, я ничего не мог сделать, чтобы больше не перезагружать.

К концу семестра экзамены пришли и ушли без сучка и задоринки.

Звон в моих ушах не показывал никаких признаков остановки. Я всё ещё не мог сказать, оправдывает ли предсказание Маки-тян атрофию моего гиппокампа или нет.

Но не было и никакого отрицания этого. Мои уши продолжали звенеть. Возможно, это было моё воображение, но я чувствовал, что я также испытываю приступ подрагивания моих рук.

Как только начались летние каникулы, я во второй раз посетил больницу.

— У тебя всё ещё есть звон в ушах? Но сканирование не показало никаких аномалий в вашем мозгу... Это может быть психогенной реакцией, так что позвольте мне направить вас в отдел психосоматики.

— Психосоматика?

— Иногда физические симптомы возникают из-за психологических проблем. В таких случаях мы обычно сначала направляем их в Лечебный отдел. У нас нет здесь специалистов по психосоматике, но в Лечебном отделении есть врач, который также знаком с психосоматикой.

— Значит, если я пойду туда, то звон в ушах будет излечен?

— Было бы неразумно идти туда со слишком многими ожиданиями. Там много пациентов с необъяснимыми симптомами.

Он позвонил в Лечебное отделение и назначил мне встречу. Казалось, что я смогу немедленно пройти обследование.

Я весело отправился в сторону лечебного отдела.

— Хасидатэ-кун. Кабинет №5, пожалуйста.

Когда я встал, чтобы войти, я сомкнулся глазами с человеком, который вышел из комнаты №5.

— ... Нацуки?

— Ю-Юто?

Нацуки обернулась, убежав обратно в кабинет, откуда она появилась. Я преследовал её. В конце концов, это был мой исследовательский кабинет, и я до сих пор помню, как мне показалось, что я видел её фигуру в коридоре больницы в тот день.

Как только она вошла в исследовательский кабинет, Нацуки промчалась за престарелым врачом внутрь, надеясь спрятаться за ним. Когда я протянул руку к Нацуки, врач прервал меня.

— Успокойтесь. Что за суета? Сугита-сан, кто это?

— ... Мой друг.

— Друг Сугиты-сан, почему ты здесь?

— Я Хасидатэ Юто... так меня зовут.

— Хм? ... Ах, да, ты следующий пациент.

Он посмотрел на мои медицинскую карту и взглянул на меня. Я сразу же задал вопрос:

— Доктор, Нацуки больна?

— Поскольку она в больнице, она должно быть испытывать какие-то симптомы, нет? Но это вопрос конфиденциальности пациентов, поэтому, боюсь, я не могу сказать вам конкретно.

— Доктор, всё в порядке. Понимаете... он мой друг.

Когда он услышал её слова, его лицо встревожилось.

— Что-то не так?

Занавески в задней части исследовательского кабинета отодвинулись в сторону, и в комнату вошёл мужчина во врачебном халате. Вероятно, он тоже был врачом.

— Ах, доктор Какитагава. Кажется, это друг пациента.

Доктору, который, по-видимому, звался Какитагава, было около 30 лет. У него было бесстрашное выражение на лице, и он действительно выглядел как крутой, спортивный тип.

— Друг? Имеете в виду такой же?

— Подождите, вы ошибаетесь. Я следующий пациент.

— М-м... Доктор? Не могли бы вы рассказать об этом Юто?

Глаза врачей встретились. Престарелый кивнул и встал со своего места.

— Доктор Какитагава, пожалуйста, дайте объяснение. В конце концов, это подпадает под ваше ведомство.

Теперь настал очередь доктора Какитагавы сесть в кресло.

— Понимаю. Сангита-сан, и эм... Хасидатэ-кун. Прежде всего, пожалуйста, присядьте. Хм... Хасидатэ... Юто-кун?

— Да?

— У тебя случаем имеется старший брат?

— Да. Он в колледже.

— Университет Куга?

— Да. Он поступил год назад.

— Понятно. Я доцент Университета Куга. Меня зовут Какитагава Юдзуру. Значит, твой старший брат быть может, случаем, Хасидатэ Тайси?

— Вы знаете моего брата?

— Я очень хорошо его знаю.

Профессор, который знает моего аккуратного и идеального брата!

Я стоял немного ровнее. Мой брат, только что поступивший в университет, произвел впечатление на доцента! Это было не каким-то там пустяком. Как и ожидалось от моего брата.

— В любом случае, мы можем приберечь разговор о твоём брате в другой раз. Итак, Юто-кун, ты хочешь узнать о болезни Сугиты-сан, я прав?

Я кивнул.

— Как насчёт тебя, Сугита-сан? Действительно ли хорошо мне рассказать ему?

Нацуки тоже кивнула.

Доктор Какитагава вздохнул со смирением и заговорил с нами как можно более уважительно.

— Сугита-сан также осознаёт свою собственную ситуацию, поэтому я не вижу смысла скрывать это от тебя, так или иначе, но я не совсем рад этому. У неё небольшая опухоль, которая может повлиять на её дыхательные и пищеварительные системы.

— Э!?

Мой разум померк.

— В настоящее время мы не можем выполнить полную биопсию, поэтому неясно, является ли она злокачественной опухолью или нет, то есть, превратится ли она в рак или нет. Из того, что показала эндоскопия, по-видимому, раковой разновидности не будет. Однако это также отличается от любого другого случая, который мы видели.

— ... Что вы имеете в виду?

— Возможно, это новая болезнь, которую мы не можем диагностировать на данный момент.

Что это за фигня?

Неизвестная? Новая болезнь? Не удалось диагностировать?

Они не имели ни малейшего представления о том, как вылечить? Вот что он пытался сказать, не так ли.

Чем больше я пытался отчаянно постичь то, что только что сказал доктор, тем меньше смысла доходило до меня.

— Доктор, Нацуки...

— Если ты спрашиваешь о том, какие выводы мы обрисовали... — он остановил свои слова.

Нацуки снова кивнула. Врач открыл рот, чтобы заговорить.

— Мы пришли к выводу, что по нашим наилучшим оценкам у неё осталось около трёх месяцев, чтобы жить.

Ха...?

Нацуки собиралась умереть?

Он действительно так сказал?

— Но... Сейчас Нацуки совершенно здорова, не так ли?

Доктор объяснил:

— Когда мы провели анализы крови на ней, не было выявлено аномального увеличения лейкоцитов, как то, что мы обычно наблюдали бы с опухолью. С биологической точки зрения, она кажется совершенно здоровой. Однако из того, что мы можем сказать из наших наблюдений за прогрессией болезни за последние три месяца, мы можем только предсказать, что через три месяца её дыхательные и пищеварительные органы перестанут функционировать.

— Н-но доктор, вы могли бы найти лекарство раньше, верно?

— Именно поэтому меня вызвали из университета Куга. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы узнать о её болезни, продолжить исследования и найти лекарство.

Что это было?

Нацуки оставалось жить всего три месяца...

Но этот врач собирался вылечить её болезнь. Могу ли я поверить в слова этого доктора, который знал моего брата? У меня не было выбора, кроме как верить в него.

Нацуки действительно осталось три месяца жизни? Три месяца составляли только половину второго семестра и заканчивались примерно на полпути посреди учебного года. Даже не сможет закончить свой первый год в старшей школе...

— Эй, Юто.

Голос Нацуки вытащил меня из моего оцепенения.

— Я знаю, что я рассказала тебе об этом, но, пожалуйста, никому не рассказывай о моей болезни.

«Никому», она имела в виду Сю, не так ли?

У неё неизлечимая болезнь. Я не мог отклонить её просьбу.

Мы с Нацуки вышли из больницы в тишине. Мы шли вместе в тишине и, в конце концов, разошлись, когда мы направились к нашим домам. Я помахал ей рукой, и Нацуки махнула мне рукой; что ж, по крайней мере, мы всё ещё говорили между собой.

А? Что случилось с моим приёмом?

Я решил стать врачом.

Я решил, что должен стать врачом и вылечить болезнь Нацуки.

Чтобы окунуться в это по самые колена, я купил некоторые медицинские методички и читал их. Я сразу понял, что это слишком много для меня, чтобы я сразу усвоил.

Если бы я размахнулся слишком поверхностно, я бы упёрся в никуда. Доктор сказал, что это повлияет на дыхательные и пищеварительные системы Нацуки, поэтому я должен сосредоточиться на них. Под пищеварительной системой он, должно быть, имел в виду желудок и кишечник, а также дыхательную систему, трахею и лёгкие.

Я направился в книжный магазин университетской больницы.

С полки, которые были разделены на темы, я выбрал книги по названию, которые, казалось, были, как и о дыхательных и пищеварительных системах, и купили их. Они были дорогими. Размышления о том, какие небольшие остатки денег у меня остались, были мучительными.

Я сделал всё возможное, чтобы прочитать их.

Я пришёл к выводу, что... я не мог понять их вообще.

Неужели нужно было всё это понять, чтобы стать врачом?

Тогда, что я могу сделать, чтобы помочь Нацуки?

Мне удалось перенести свой собственный больничный приём на другой день. Они дали мне лекарство, чтобы помочь облегчить звон в ушах и сказали мне возвращаться в больницу каждую неделю.

Старший врач из более раннего возраста, который отвечал за моё лечение, не был слишком вовлечен в случай Нацуки, и мне не показалось, что это подходящее время или место, чтобы спрашивать об этом. Я мог только продолжать полагать, что доктор Какитагава исследовал её болезнь.

После моего назначения я сел на больничную скамейку рядом с лестницей, чтобы немного отдохнуть, и так случилось, что доктор Какитагава спускался по лестнице.

— Ты здесь, как амбулаторный больной?

— Да. Эм... Как бы мне выразиться... Нацуки...

— Спрашиваешь о её состоянии? Очень хорошо, пошли со мной.

Я поднялся по лестнице вслед за ним. Я был уверен, что мы собирались в один из исследовательских кабинетов, но вместо этого он пошёл мимо верхнего этажа и направился к крыше.

Когда он открыл дверь на крышу, жаркий летний воздух врезался в меня, как стена. Я пробился сквозь жар и ступил ногой на крышу, где я почувствовал лёгкий ветер, ласкающий мою щеку. Хотя погода была не совсем такой, которую я бы назвал приятной, я чувствовал себя хорошо, чтобы быть просто проглоченным непрерывным небом над головой.

— Нормально, если я закурю?

— Ага.

Доктор, который курил, мда. Ну, я думаю, что даже доктора и доценты не могли быть идеальными, подумал я про себя.

— Ты ненавидишь курильщиков?

— Нет, не особо.

— Твоё выражение говорит иначе. В этом отношении ты такой же, как Хасидатэ-кун. Ваши слова и ваши лица говорят об обратном, — когда он заговорил, он наклонил голову к небу и выдохнул поток дыма.

— Что вы думаете о моём брате?

— Любопытно?

— Он никогда не приходит домой.

Врач снова выдохнул дым.

— У него высокие спецификации. Его оценки хороши, и он проницательный... Слушая, как я хвалю твоего брата делает тебя счастливыми, не так ли?

Мой ответ был довольно беззаботным, но, конечно, я был счастлив. Тем не менее я ответил немного с сарказмом.

— Честно говоря, я его боюсь.

— Почему, доктор? Вы... ненавидите моего брата?

— Я его совсем не ненавижу. Я просто боюсь. Те, кто невероятно проницателен, иногда оказываются под давлением и теряют контроль...

— Мой брат не тот, кто потеряет контроль.

Врач медленно вдохнул и выдохнул в том же расслабленном темпе.

— А ты другой?

— Не думаю, что я потеряю контроль.

Он выдохнул с быстрой затяжкой.

— Вот это меня и настораживает...

Я не совсем понял к чему он клонит. Мне пришло в голову, что что-то случилось между моим братом и доктором Какитагава, и именно здесь доктор сделал свои выводы. Я подумал, что лучше не касаться этой темы дальше, и решил переключиться на другую тему.

— У Нацуки всё в порядке?

— Честно говоря, трудно сказать. Мы с трудом держим болезнь под контролем...

— Но вы сказали, что вылечите её!

— Да, я согласен. Я не могу позволить себе не вылечить её. Кроме того, есть и другие пациенты, находящиеся в той же лодке. — сказав это, доктор посмотрел на меня, словно ожидая, чтобы прочесть мою реакцию.

— Есть другие пациенты, это означает, что Нацуки не единственная с этим, не так ли? Тогда найти лекарство будет проще!

— На самом деле мы даже не выяснили причину.

— Э? Подождите, но тогда лекарство...

— Это то, что я сейчас исследую прямо сейчас. Мы никогда не предполагали, что всё будет так трудно понять.

Он грубо потушил сигарету об переносную пепельницу и направился к двери. Я последовал за звуками нескольких шагов.

В августе, Нацуки, Сю и я начали много тусоваться.

Той, кто предложила была Нацуки.

Учитывая, что это было в выходные, тренировок в спортивных клубах не было. Это были летние каникулы, утверждала Нацуки, поэтому каждый должен воспользоваться этим шансом, чтобы получать удовольствие находясь вне дома.

Мы должны были встретиться на станции Хатиодзи только после полудня.

— Ну и куда?

Я не прислушивался, а Сю выглядел так, будто он ждал, когда Нацуки что-то скажет.

— Просто следуйте за мной сегодня, хорошо? — она потащила нас к билетным воротам.

— Сохраняешь это в секрете, да. Ну, что думаешь насчёт этого? Юто?

— Я пойду вместе с вами.

— Ладно... раз так, я просто использую свою карточку. В конце концов, я понятия не имею, куда мы идём, — Сю порылся в кармане и вытащил свою карточку IC, чтобы провести её.

— ... Как твоё здоровье? — я спросил Нацуки, когда я шёл рядом с ней, не сводя глаз с Сю, который был перед нами.

— Я в порядке. Нет ничего такого, что действительно беспокоило бы кого-нибудь. Доктор сказал, что я должна вести жизнь как обычно. В конце концов, это летние каникулы. У тебя и Сю были летние каникулы, наполненные пустяками, кроме подготовительных тестов по прошествии последних двух лет, так что на этот раз мы все должны создать незабываемые воспоминания, только для нас троих.

Нацуки также обратила свой взгляд на Сю. Он стоял перед билетным автоматом, пытаясь заставить автомат внести правильное количество билетов. Такая предусмотрительная надёжность была настолько похожа на Сю. Мои глаза встретились с Нацуки, и мы рассмеялись.

Я всегда думал, что мы сможем провести три года в старшей школе именно так. Прямо сейчас, Нацуки, возможно, стоит рядом со мной с улыбкой на лице, но когда придёт лето следующего

года, она...

— Мы до сих пор не знаем.

— А? — Нацуки наклонила голову, чтобы посмотреть прямо на меня.

— В следующем году трое из нас могут снова собраться вместе и повеселиться на летних каникулах, не беспокоясь о подготовке к экзаменам или чего-то ещё. Мы всё ещё не знаем, что поджидает в будущем.

— Да... ты прав.

Сю не спеша вернулся к нам от автомата из-под билетов, и мы трое вошли в поезд, который направлялся в центр города.

Мое беспокойство за здоровье Нацуки отразилось у меня на лице, тем самым привлекая внимание Сю.

— Эй, Юто, что с тобой, всё беспокоишься за Нацуки, вроде того? — не зная серьезность её положения, он, не стесняясь в выражениях, задал мне вопрос.

— Думаешь, это странно? Но, эй, я не думаю, что это только сегодня. Он всегда такой милый, — сказала нам Нацуки. — Конечно, ты тоже, Сю.

И Нацуки была Нацуки, несмотря ни на что.

Нашим пунктом назначения был городской бейсбольный стадион или, скорее, геройское шоу рядом с ним.

— Нацуки, это...?

Я выпалил, не задумываясь. Я имею в виду, разве её любовь к героям, не должна была быть секретом от Сю?

— Это замечательно! Я подумала, что это то что мне очень нравится, а раз так, то зачем скрывать это, ты же знаешь?

Она, конечно, проделала галантный поступок, но её лицо покраснело. Она всё время смотрела на Сю краем глаза, словно ожидая, как он отреагирует.

— Приятель, я не был на геройских шоу целую вечность!

При словах Сю, Нацуки, которая дрожала, как кролик в кустарнике, немного просветлела.

— Ага, так и есть. Когда я был маленьким, я всё время докучал моих родителей чтобы меня привели на эти шоу.

Для Сю, поскольку его родители больше не ладили, каждое маленькое воспоминание о его родителях было для него драгоценным. Тогда, сегодняшние события также станут новыми драгоценными воспоминаниями для него и Нацуки.

Конечно, я чувствовал себя одиноким, теперь тайна между мной и Нацуки уже не была тайной, но так как Нацуки нравилась Сю, я чувствовал, что это то, что он должен знать. Тем не менее, у меня был неприятный привкус во рту.

Мы все сели, и Нацуки затесалась между мной и Сю.

— Не думаю, что я когда-либо был на геройском шоу, — я глядел на незнакомую сцену в увлечении.

— Ну, я никогда не был один. — подметил Сю.

— Фу-фу-фу, предупреждаю, в последнее время шоу героев и вправду улучшили свои навыки.

Нацуки была в приподнятом настроении.

Дым выскочил из-за занавесок, заполнив сцену, и, когда герои выскочили из дыма, арену наполнили аплодисменты.

Спектакль был ошеломляющим от начала до конца. Они мчались так быстро, что мне показалось, что я смотрю ускоренное видео. Они вылетали из одного края сцены на другой по тротуарам избивая врагов, финальные удары сопровождалась огромными взрывами.

Когда я смотрел, как история разворачивается на сцене, я вспомнил событие из своего детства.

Существовал герой-очаровашка, которого Нацуки хотелось больше всего, поэтому мы вдвоём пошли в магазин игрушек, чтобы найти его, но так как это игрушка появилась совсем недавно, она тотчас же была распродана. Выставки были наполнены всеми новыми игрушками героев, и как только шоу закончилось, они сметут весь товар с полок, чтобы освободить место для новых.

Я так сильно её хотел найти для неё, что в следующие выходные я поехал на своём велосипеде, посещая каждый магазин игрушек, который я знал. Я даже побывал в тех местах, которые, как я сомневался, была ли она на складе, например, игрушечный прилавок в торговом центре и магазин радиоуправляемых машинок. На следующей неделе я снова посетил все эти магазины

и, наконец, нашел её в стареньком маленьком магазине, который выглядел почти готовым к упадку. В тот понедельник я был в приподнятом настроении, всячески готовый подарить её Нацуки, когда я увидел, что она уже прицепила её к портфелю. Оказалось, что её отец купил её где-то в интернете. Я не сказал ей ни слова, просто взялся за лямку и отнёс её домой. Она всё ещё может быть похоронена в моей комнате.

Как только шоу закончилось, они позволили людям взойти на сцену, чтобы сфотографироваться с актёрами.

С весёлым: «Давай, пойдём снимемся с ними!», — я подтолкнул Нацуки к сцене.

— Н-нет, мне достаточно... — Нацуки уклонялась, смутившись быть замеченной за тем, что она делает то же самое, что и все эти маленькие дети.

— Ой, да ладно, давай сделаем это, ради воспоминаний.

В окружении Сю и меня, у Нацуки не было другого выбора, кроме как поддаться. Она сделала миленькое лицо, как будто её заставили это сделать, но она всё равно улыбалась, когда мы втроём вышли на сцену. Когда мы добрались до края, Нацуки сказала: «Давайте снимемся вместе!», — и на этот раз настала очередь втягивать нас.

Мы встали в определённую позу перед героями, с Нацуки по середине, и взяли у них фотографию. Чувство, точно такое же, как и в тот день, когда мы закончили среднюю школу и взяли эту фотку.

После того, как она проявилась, фотография была обрамлена и передана нам. Наши улыбки выглядели так искренне счастливыми. Позади нас были герои, встав, словно они защищали нас.

— Огромное спасибо! Я сохраню её навсегда!

Нацуки крепко держала фотографию у груди всю дорогу домой.

— На Станции Хатиодзи ещё раньше было геройское шоу! Хотелось бы, чтобы мы пошли! — всё время, пока мы были в поезде, Нацуки не могла сдержать улыбку.

Мы сидели в поезде, по левую сторону со мной — Нацуки, а справа от неё — Сю. Всякий раз, когда мы располагались в ряд, это было в таком порядке.

Поезд продолжал двигаться в сторону заходящего солнца. Мы погрузились в уютную тишину, глядя на городской пейзаж за окном, в настоящий момент окрашенный оранжевым закатом.

— Я хочу, чтобы лето никогда не кончалось... — пробормотала Нацуки.

Сю рассмеялся.

— Нацуки, не говори такие детские вещи.

Ты не знаешь и половины, Сю. Нацуки осталось не так много времени. Кто знает, сколькими ещё закатами она сможет наслаждаться?

— Давайте снова позависаем в следующие выходные, — предложил я им обоим. — Ты пойдёшь, так ведь, Сю?

— Ага, конечно, но...

Глаза Нацуки встретились с моими. Она показала мне слабую улыбку и кивнула без слов.

На следующей неделе, мы пошли в зоопарк.

Через неделю после этого, мы посетили аквариум.

Хотя я знал, что всё было напрасно, я поглощал медицинские методички с понедельника по пятницу, в то время как Нацуки и Сю проводили свою клубную деятельность, а по выходным мы все выходили играть.

Если бы только это удовлетворённое лето могло продолжаться вечно.

Если бы только те времена могли продолжаться вечно, когда здоровье Нацуки было идеальным, и мы с Сю могли оставаться рядом с ней.

Если бы они могли продолжаться вечно...

Здесь, сейчас, в этот момент, я почувствовал, что я действительно счастлив.

Не сказать, что это было прекрасно. Я знал, что необходимо поддерживать сложный баланс. Заболевание Нацуки было направлено на худший поворот, в ту пору, когда приближался второй семестр. И потом придёт осень, и к тому моменту она может исчезнуть.

Я ничего не мог сделать, чтобы помочь, не так ли? Неважно сколько медицинских методичек я прочту, ежели я их не понимаю, то я совершенно бесполезен.

Если бы только второй семестр никогда не приходил.

Тогда Нацуки сможет жить.

Хорошо, я должен просто замедлить это!

Я должен просто повторять эти несколько недель снова и снова.

Я достал кнопку перезагрузки и взял её обеими руками.

Затем я вспомнил предупреждение Маки-тян о том, что мой гиппокамп отмирает.

Но Нацуки была гораздо более важной, чем моё здоровье.

Это то, во что я верил.

Я закрыл глаза и позволил себе вспомнить сцену из прошлого.

Я вложил всю свою силу воли в большой палец, и...

— Перезагрузка.

Мой первый экзаменационный семестр из жизни старшей школы.

Как всегда, Сю, Нацуки и я учились вместе.

Летние каникулы. Учёба. Клубы. Прогулки.

Это были блаженные несколько месяцев.

В конце концов, конец приближался.

Я крепко удерживал кнопку.

—— Перезагрузка.

Мой первый экзаменационный семестр старшей школы.

Как всегда, мы втроём соревновались друг с другом за оценки. Они оказались так себе.

Мы снова учились ради поступления. У нас довольно высокие оценки.

Мы проводили летние каникулы в приподнятом настроении, наслаждались клубами, учились и играли.

Когда подошёл сентябрь, я достал кнопку.

—— Перезагрузка.

—— Перезагрузка.

——— Перезагрузка.

——— Перезагрузка.

————— Перезагрузка.....

Перезагружая нашу жизнь, снова и снова. Наши весёлые дни никогда не менялись. Они не черствеют. Они не стареют.

Я думал, что, если я продолжу работать над получением медицинских знаний, в конце концов я буду знать столько же, сколько доктора. Но реальность была не такой. Так или иначе, казалось, что мой гиппокамп теряет умственные способности, и я начал забывать всё, что я узнал. Между тем, я начал заботиться всё меньше и меньше о моих оценках.

Всё, что мне нужно было для Науки — это существование.

Все, что мне нужно было за эти три месяца, это где Науки могла бы жить своей жизнью, чтобы пребывать вечно.

Это всё, что было мне нужно...

Школьные дни, которые я повторял, не стали унылыми, но моя учёба сделала своё. Мои воспоминания стали путаться, и мои способности принимать решения пошли на спад.

Однажды, я отправился на летний фестиваль вместе со всеми, и уронил куриный кебаб.

У бассейна я вдруг почувствовал головокружение и упал прямо в бассейн.

Я не смог вспомнить свой домашний номер телефона.

С этими небольшими промахами я медленно стал совершенно другим человеком. Я начал отдаляться от совершенства.

Я становился другим человеком... Нет, на самом деле, перезагрузка была моей единственной целью в жизни. Мне безусловно нужно было перезагрузить, ради Науки.

Август, в очередной раз, подошёл к концу.

Я достал кнопку.

— Перезагрузка.

Когда мы вышли из больницы вместе, Нацуки заговорила:

— Эй, Юто, это может быть очень нечувствительной вещью, которую поднимают прямо сейчас, но ты выслушаешь меня немного?

— Ага, конечно.

— Мне очень нравится Сю.

— ... Я знаю.

— О, так ты знаешь... прости.

— Не переживай. Сю хороший парень. И трое из нас могут оставаться вместе.

— Да, но... я чувствую себя очень горько в этом.

— Горько?

— Мне он нравится, но, похоже, как бы я ни старалась, я не могу закрыть расстояние между ним и мной.

— Возможно, потому, что вы, ребята, друзья...

— Такое чувство, что я буду продолжать отставать, в течение следующей сотни лет, это горько. Быть может, всегда.

— Что т...

— Интересно, почему я так горько себя чувствую? Я имею в виду, через сто лет я больше не буду жива, так почему я слышу голос в глубине моего разума, говорящий мне, что я, вероятно, буду чувствовать себя горько до конца времён?

— Ты действительно чувствуешь... горечь?

— ... Ага, именно так. Просто от того, что я живу заставляет меня чувствовать горечь. Разве это не странно? Несмотря на то, что я не делаю ничего необычного, несмотря на то, что скоро умру.

— Ты не умрёшь, Нацуки. Ты не умрёшь. Всё будет хорошо. Я обещаю.

— Это не так... дело не в этом.

Нацуки прижала ладонь к её горлу, её боль стала очевидной в её выражении.

— ... Я больше не хочу этого чувствовать. Мне страшно. Похоже, эта горечь никогда не исчезнет. Похоже, я просто бегаю по кругу, всегда в одном месте, как будто я никогда не смогу остановить боль. Когда я думаю о том, как это может продолжаться вечно, это заставляет меня хотеть умереть тогда и сейчас. Смешно, разве нет? Неужели я, наконец, ушла с концами?

Она смотрела прямо в мои глаза, мучение, явно отражалось на её лице, как будто она пыталась выразиться мне напрямую, сколько же это причиняло боли. Как будто она обвиняла меня: «Это всё твоя вина». Страх ухватился за моё сердце, и я попятился назад, моё дыхание застряло в горле, не в силах выкрикнуть ответ.

— Н-но... Нацуки, ты... Нацуки...

Ясно...

Каждый день, когда я повторил Нацуки из другого дня, её попытки приблизиться к Сю были бы напрасны. Даже когда она чувствовала, что прогресс был достигнут, всё это было всегда смыто моими действиями. Этот нескончаемый цикл горечи был, без сомнения, более болезненным, чем любой ад во всех буддийских писаниях. Для умирающей Нацуки каждый день был дороже, чем последний, но каждый раз, когда я нажимал кнопку, я уменьшал эти драгоценные дни к небытию...

Ах!

Я бегал по кругу всё это время.

Я просто предположил, что этим темпом мы с Нацуки придерживались того же мнения, и что она тоже хотела остаться с нами навсегда, чтобы продолжать жить.

Но это было не то, чего она хотела.

Что я сделал? Ничего. Ничего, но заставил Нацуки чувствовать горечь.

Звонок в моих ушах пролетел словно крутящий шар, рассеяв мои мысли.

Эта жизнь ужасна, просто ужасна, откуда-то донёсся какой-то голос.

Это действительно так.

Она была ужасной, посредственной и второсортной.

После обеда я сказал родителям: «Я собираюсь купить что-нибудь, вернусь сразу же», — и вышел на улицу. Бесцельно, я плёл моими ногами как мертвец, пока я не добрался до торгового района. Это был первый раз, когда я когда-либо гулял так поздно. Вся территория была удивительно хорошо освещена.

Мне взбрела идея совершить какое-нибудь мелкое преступление, но я понял, что не мог придумать ни одной вещи, которую мог бы разумно сделать старшеклассник вроде меня в торговом районе посреди ночи.

В какой-то момент звон в ушах изменился от высокого голосащего звука до более громоподобного звука. Мне удалось продолжить идти в вертикальном положении, но я даже не мог сказать, иду ли я по прямой линии или нет.

Я продолжал идти неуклюже и размышлял.

Боже, это была моя вина. Я виноват в том, что Нацуки страдала.

Я продолжал идти вперёд, мои ноги потяжелели. Я чувствовал себя как машина. Я не мог остановиться. Ни мои мысли, ни моё тело не останавливались.

Это всё было частью того, что Маки-тян сказала о том, что мой гиппокамп отмирает, не так ли.

С каждой перезагрузки я постепенно доводил своё тело до предела. Всё ради Нацуки, или так я и думал.

У нас с Нацуки было что-то особенное... или так я считал.

Все это было просто иллюзией. Эгоистичное предположение с моей стороны.

С каждой перезагрузкой, которую я делал, страдания Нацуки усиливались. Она просто терпела всё это, даже не зная, откуда оно взялось, чувствовала, что с каждым днём оно больше взваливается на её сердце. Эта боль в её сердце была, вероятно, ещё хуже, чем боль от её болезни.

Я считал, что всё это было ради Нацуки...

Ради Нацуки...

... Неужели?

... Неужели это было ради Нацуки?

Разве я не делал это только ради себя... моего собственного совершенства и аккуратности... всё это время?

Разве я не перезагружал только ради себя, убеждая, что это для Нацуки?

Разве я не перезагружал только потому что хотел, чтобы мы трое были вместе?

Ах, точно.

Это моя вина.

Это всё была моя вина!

Я перезагружал мир, бог знает, сколько раз — всё ради собственного эго, и даже не смог спасти Нацуки, не говоря уже о других. В конце концов, я во имя совершенства ничего не делал, но непрерывно лил рябь в нить времени. По правде говоря, мир уже был совершенным, а мои действия были не чем иным, как радиопомехи, не так ли? Опрокидывали ли мои перезагрузки мировой баланс?

Может быть, это объяснит, почему с Нацуки происходит так много всего.

Может быть, мои перезагрузки были прямой причиной её страданий.

Если бы я не перезагрузил так много.

Если бы я не нажал кнопку перезагрузки...

Но не было бы возврата.

Я не мог понять, могу ли я просто исчезнуть с лица земли, если я попытаюсь вернуться.

В конце концов, я был всего лишь шумом, нарушающим баланс мира.

Если бы я не существовал, мир был бы намного лучше.

Если бы я не существовал.

... ..

Если бы я исчез, кнопка перезагрузки исчезла бы вместе со мной, и мир, несомненно, стал бы идеальным и чистым, и не было бы ни одного пятнышка.

Это я разрушал мир.

... ..

... ..

Ну, думаю, это и есть мой ответ.

Я всё понял.

Это всё что было нужно, не так ли?

Даже если бы я был идеальным и аккуратным, я ничего не мог сделать.

Я вильнул, волоча ноги в одну сторону, потом другую. В частности, я шёл в никуда.

У меня сложилось впечатление, что кто-то пытался заарканить меня на предложении о продаже.

У меня сложилось впечатление, что я купил что-то в торговом автомате.

У меня сложилось впечатление, что я съел тарелку говядины.

У меня сложилось впечатление, что я зашёл в манга-кафе.

Возможно, не было такой вещи, как реальность. Только впечатления.

Но даже в этом случае, даже если бы это было правдой, я всё ещё не знал, что я должен был сделать, чтобы убить всё это время.

Наступило утро. Я был на станции. В вестибюле, где я признался Нацуки.

Я был идиотом. Огромным идиотом.

Может быть, если бы кто-то сказал мне раньше, всё получилось бы немного по-другому.

— Ты отличаешься от своего брата. Ты никогда не станешь идеальными. Эх, если бы кто-то отругал меня такими словами. Может быть, тогда я бы не преследовал его тень, как полный дурак...

Если бы только кто-то сказал мне, что моя жизнь никогда не будет идеальной.

Я попытался перебраться на станцию, но мои шаги спотыкались, и я протиснулся через турникет. Ни мои руки, ни мои ноги не двигались так, как я хотел.

Полагая, что я не смог бы спуститься с лестницы, не упав, я поехал на эскалаторе до платформы.

Первый дневной поезд должен был скоро уйти. Вокруг были люди, лишь несколько, разбросанные то тут, то там.

Простите, все.

Мне очень жаль, все.

Я сожалею, что испортил этот мир.

Ибо сделал его дефектным.

Пожалуйста, дайте Нацуки быть счастливой, в мире без меня.

Я стоял на краю платформы.

Я взглянул вниз в сторону кнопки перезагрузки, находящейся в моей сумке.

Это правда, что кнопка очень помогала мне, но это уже не было проблемой.

Если бы я продолжал использовать кнопку, я бы, в конце концов, потерял все свои воспоминания, парализовав мой разум. Если бы это шло именно так, то вместо этого, всё можно закончить прямо здесь.

В конце концов, не было ли это действительно тем, что означает «перезагрузить свою жизнь»?

Это не значит, что я вернусь, чтобы исправить свою жизнь и всё остальное.

Я не был тем, кто верит в реинкарнацию или в переселения душ, либо что-то в этом роде. Это всего лишь означало, что я не просто исчезну, я бы перешёл прямо к моменту моего рождения. Как человеческий ребёнок, с какой-нибудь удачей.

Загробная жизнь? Я тоже не думал, что есть такая вещь. Мир, каким он был после моей жизни, и мир, который существовал до того, как я вошёл в него, были мирами, которые не имели следов моего собственного существования. В этом отношении они были одинаковыми.

Пять утра. Первый поезд идёт.

Звук сигнала, ревёт.

Когда поезд ворвался, я спокойно наклонил моё тело вперёд, позволив себе упасть прямо на рельсы.

Я наблюдал, как платформа уменьшалась перед мной в замедленном движении, и я медленно закрыл глаза.

<http://tl.rulate.ru/book/6820/130186>